

Оглавление

Введение

ГЛАВА 1. Архаичное и современное в подходах к анализу пространства

ГЛАВА 2. Основные направления конкуренции и сотрудничества в "общих пространствах"

ГЛАВА 3. Система "океанического соуправления" и российские интересы

ГЛАВА 4. Ситуация в сфере использования приполярных зон

ГЛАВА 5. Попытки регламентации деятельности в космосе

ГЛАВА 6. Информационная борьба и глобальное информационное пространство

ГЛАВА 7. Российские подходы к режиму "открытого неба"

ГЛАВА 8. "Непризнанные государства" в контексте трансформации политико-дипломатического пространства вокруг России

Заключение

Введение

К началу второго десятилетия нового века заметно расширились представления человечества о возможностях использования окружающей природной системы. Сообразно этому государства и общества стали активнее стремиться к политическому, правовому, военному и экономическому закреплению своих прав, нередко преимущественных, на использование окружающей среды. В международной политике ускорилось формирование особого блока отношений в связи с деятельностью по освоению окружающего природного пространства -- в первую очередь тех его зон, которые прежде в силу разных причин считались периферийными, второстепенными и использовались менее интенсивно.

К этому процессу присоединились иногда довольно противоречивые взаимодействия по поводу пространств комбинированной природы, таких как информационное пространство в формате Интернет. В известном смысле его можно считать исходно природным "по происхождению". Но оно стало в полном смысле частью международно-политической системы только в соединении с человеческим разумом и воображением, когда сформировалось глобальное виртуальное пространство "всемирной паутины". Информационное пространство заняло свое место в ряду других общих пространств (*common spaces*) человечества.

Основные из этих пространств осмысливались и использовались давно. Люди с древних времен осваивали морские воды, пробовали подняться в воздух, стремились в космос, изучали и по возможности использовали территории у Северного и Южного полюсов. Принципиально новым общим пространством является, вероятно, только сфера глобальной информации. Вместе с тем степень освоенности общих пространств непрерывно повышалась, иногда скачкообразно. Поэтому возникали периодически менявшиеся представления о "новых общих пространствах", под которыми фактически подразумевались новые слои, сегменты, части "старых" общих пространств, ставшие доступными для практического использования благодаря техническим инновациям. Поэтому в этой книге будут встречаться оба выражения -- "общие пространства" и "новые общие пространства", смысл которых в значительной степени в этом тексте схож.

В традиционном понимании природной среды, политиков в первую очередь интересовали территория, имеющиеся на ней (или под ней) ресурсы и климат. Сочетание этих трех основных показателей определяло экономическую, политическую и военно-стратегическую ценность соответствующего фрагмента природного пространства. Иногда

на нем создавалось новое государство. В других случаях фрагмент пространства у кого-то отнимался и к чему-то присоединялся. Бывало и наоборот: части единого политического целого откалывались и начинали жить самостоятельной жизнью.

На абсолютизации политической роли трех этих аспектов географического пространства сформировалась традиционная дисциплина -- геополитика, до настоящего времени порождающая регулярные и лишь иногда удачные попытки ее модернизировать, освободить от примитивного детерминизма, развить и привести в соответствие с современными реалиями планетарной жизни в ее социальных и научно-технических измерениях.

При всей недостаточности упрощенно-традиционалистских геополитических подходов к анализу сложностей современной мировой системы позитивной стороной геополитики является заложенный в ней акцент на важности изучения пространственных характеристик отношений между народами, государствами и иными субъектами международного общения. Другое дело, что необходимое глубокое изучение динамики пространственных характеристик мира вряд ли возможно лишь в рамках геополитических схем. Прежде всего потому, что в последних, как правило, мало внимания уделяется изучению таких важнейших характеристик, как пластичность и динамика.

О геополитических мотивах внешнеполитического поведения этносов и государств написаны тонны литературы -- в огромной массе политико-публицистической и полухудожественной. О том, как изменение мироэкономических реалий, технические инновации и социальный прогресс повлияли на отношение стран и народов к пространству -- своему и окружающему -- пишется намного реже и обычно не в рамках геополитических штудий. В итоге "старая" геополитика в форме попыток современных авторов приложить ее классические постулаты к объяснению современных явлений часто выглядит как ретроградная и непродуктивная дисциплина о неизменности базовых устремлений стран и народов. Хотя иногда подобные работы весьма изобретательно украшены культурологическими и культурно-психологическими наблюдениями и комментариями. Последние, если сходят с компьютеров талантливых людей, могут иметь самостоятельную культурно-художественную и даже интеллектуальную ценность. Однако в аналитическом смысле такие рассуждения, строго говоря, могут разве что иллюстрировать предощущения, которыми были пропитаны все классические геополитические труды. Объяснительная способность такого метода минимальна.

С позиций прикладного международно-политического анализа в исследованиях пространства важны как минимум два обстоятельства. Первое -- доказанная в последние 20--25 лет способность политического пространства под влиянием экономических тяготений *менять свою конфигурацию по горизонтали*, не нарушая государственных границ и не порождая конфликтов за *lebensraum* (жизненное пространство), как то должно было следовать из постулатов классической геополитики и ее несгибаемых современных последователей в США и России. В России на это свойство современного международного пространства еще в середине 1990-х гг. указал русский ученый Э.Г.Кочетов, назвав известным в западном научном дискурсе словом "геоэкономика", по сути дела, сконструированную им самим оригинальную субдисциплину о свойствах естественных экономических тяготений формировать собственные пространства "поверх и помимо" формальных государственных границ. Эти геоэкономические целостности (массивы, зоны) могут быть относительно автономными от конкретных политических устремлений государств, которым принадлежат их части, и приобретать некоторые общие закономерности развития. Важно иметь в виду, что на Западе словом "геоэкономика" называют совсем иное -- концепцию о применении экономических методов

в международно-политических целях и о замещении политических противоречий между государствами конкуренцией экономических блоков.

Исследования *вертикального измерения пластичности* пространства международных отношений не вылились в формирование субдисциплины, наподобие геоэкономики. Эта часть научного знания прирастала работами по отдельным аспектам изучения глобальных проблем. Их общим местом было указание на разрастание сферы взаимодействия между государствами "вверх" и "вниз" -- в области воздушного, а затем и космического пространства, а также в сфере отношений, касающихся морского дна, толщ вод мирового океана и приполярных территорий.

Нельзя сказать, чтобы сотрудничество и соперничество стран в сфере освоения глобального пространства "по вертикали" прежде отсутствовало. Но новизна десятилетия 2000-х гг. состояла в заметном увеличении внимания к освоению этих частей мирового пространства и нарастании беспокойства по поводу его неразделенности или не полной разделенности.

Именно неразделенность глобальных пространств, остающихся до сегодняшнего дня теоретически (но не фактически) в общем пользовании человечества, создает определенную нервозность в отношениях между странами. В первую очередь, конечно, это касается тех, которые полагают, что они могут реально участвовать в практическом освоении новых и открывшихся для практического использования частей пространства мира, ранее лишь в принципе относимых к общему пространству человечества или к тем частям планетарной системы, статус принадлежности которых не мог быть определен.

Другим источником тревоги является неравновесность потенциальных субъектов освоения новых пространств. Среди них есть мощные и слабые страны. Причем среди последних есть много таких, которые как минимум стремятся закрепить за собой преимущества в сфере использования воздушного пространства над их территориями. Аналогичные устремления более слабые страны проявляют в вопросах, касающихся использования морских вод, которые прилегают к их побережью, но не являются территориальными.

Явный отрыв США от всех остальных членов международного сообщества по совокупному потенциалу для освоения общих пространств пугает американских конкурентов. Другие страны полагают, что в случае сохранения неразделенности общих пространств США смогут на практике завоевать их в сфере использования позиций, исключительно благоприятных для Соединенных Штатов.

Соображения такого рода девальвируют ценность идей о мировых пространствах как общем достоянии человечества, открытости для общего использования и даже международного сотрудничества в их освоении, хотя последнему вряд ли есть альтернатива.

Многие страны мира следуют логике двойных решений: с одной стороны, они добиваются признания своих исключительных прав на отдельные сегменты общих пространств (выступают, по сути, за их раздел), с другой -- участвуют в проектах совместного освоения ресурсов этих пространств на международной основе. Примерно такой логики придерживается Российская Федерация. Сходным образом ведут себя и Соединенные Штаты, хотя они стремятся свести к минимуму регламентацию деятельности в общих пространствах, прежде всего в космосе.

Пока еще конкуренция за новые пространства не достигла остроты, дающей основания предвидеть силовые столкновения между странами. Но уже сейчас государства вкладывают значительные ресурсы в борьбу за выход на наиболее благоприятные позиции в вопросах владения, пользования и регламентации поведения в этих пространствах. Полускрытое и явное соперничество идет даже по вопросам о пространствах, которые в некоторых случаях не могут быть освоены ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективах. Пространство резервируется в запас, в распоряжение будущих поколений -- не всего населения Земли, а граждан соответствующих конкретных стран и народов. Возникает политико-психологическая дилемма новых пространств: нельзя не бороться за приращение пространства, но и нельзя использовать его на практике, поскольку необходимых для этого дополнительных ресурсов нет.

Отношение России к проблематике пространств формируется именно в таком противоречивом контексте. Известно положение о том, что в нашей стране в ходе ее исторического развития "пространство съело время". Огромная и труднопроницаемая территория российского государства страшно замедлила экономические, политические и социальные процессы в стране, которая была обречена на крайне неравномерное развитие. При этом гигантские природные ресурсы удерживали страну на траектории экстенсивного, ресурсозатратного развития, усугубив ее отставание от меньших по территории и более бедных природными ресурсами западноевропейских государств.

Сторонники этой небезосновательной точки зрения склонны видеть в попытках современной России, например, прирастить пространственный потенциал за счет закрепления за собой обширных районов Арктики новый исторический вызов -- вызов интересам модернизации. Если борьба за Арктику отвлечет средства, нужные для модернизации, то последняя может не состояться. Прирост пространства, таким образом, может обернуться консервацией отставания от Запада и Китая.

Противники такой логики тоже не без оснований замечают, что, "опоздав" к решению вопросов о принадлежности новых пространств и о правилах, по которым они будут использоваться, можно утратить перспективу и исторический шанс развития не менее фатально, чем в случае принесения модернизации в жертву экстенсивному пространственному росту. Теоретически ограничив масштабы пространства страны ее наиболее развитым "островом" "Москва--Петербург--Нижний Новгород" можно, конечно, попытаться прорваться к статусу высокоразвитой средневропейской страны уровня Франции или Италии.

Но, во-первых, реализация даже этого не гарантирована и может оказаться трудной из-за необходимости импортировать энергоносители Сибири, которые в ходе такого сценария перестанут принадлежать России. Во-вторых, неясно, готов ли российский народ в принципе стать средневропейским. Такая постановка вопроса сопрягается с безопасностью для российского "Я", идентичностью, сохранение которых является важнейшей частью личностной безопасности человека и его фундаментальным правом.

Реалистичная линия может состоять в попытке совместить задачу обеспечения активного участия России в конкуренции за обеспечение себе оптимально благоприятных условий освоения общих новых пространств с задачей сохранения достаточных ресурсов для модернизации России.

Проблема избытка пространства существует прежде всего в теории. В политической практике добровольных отказов от пространства немного и они крайне своеобразны: демонтаж Малайской Федерации в начале 1960-х гг. в результате решения малайской

элиты "исторгнуть" из нее этнически чуждый населенный китайцами Сингапур, отказ Чехии на 30 лет позже от единого государства со Словакией... Трудно вспомнить что-то еще.

То, что выглядело как добровольный отказ от избыточного пространства на самом деле чаще всего оказывалось отказом от устаревших форм контроля над ним, отказом от прямого (силового) контроля в пользу косвенного (экономического и иного). Такова, по сути, была идея-предтеча будущих концепций "мягкой мощи" и "умной силы". Примерно так, например, происходил поэтапный отказ Британии от своей империи во второй половине XX в. Во всех других случаях пространства теряли, только когда их становилось невмоготу удерживать.

Зато полно противоположных примеров. Из самых свежих -- Китай. Едва поднявшись к первым рядам мировых экономических держав, эта страна стала поразительно живо интересоваться освоением Арктики, к которой, казалось бы, Китай не имеет отношения ни в каком смысле -- историческом, географическом, климатическом, экономическом, политическом или каком-либо другом. Зато поведение КНР имеет самое прямое отношение к новейшему контексту народившейся международной конкуренции.

Абсолютизация ценности пространства так же порочна, как недооценка его важности. В этом смысле России требуется своего рода концепция "разумной пространственной достаточности" или "разумной достаточности пространства", маленьким шагом к выработке которой может оказаться эта книга.